

«ПЕРВАЯ книга поэта» — эти слова стали поистине фразеологическим сочетанием. Куда ни глянешь, — в журналах, на стене книжных новинок, на афиши, вешающую читательских конференциях, отовсюду глядит на тебя увеличенная, как под микроскопом, первая книга поэта.

Межу тем поэт редко начинается с первой книги.

Первая книга у моих сверстников появляется в среднем в 20—25 лет. Она пишется на лекциях, в метро, в походах. Она лежит на дороге. Поднявший ее — не обязательно талантливый человек. Он может быть просто любопытным.

Не то со второй книгой. Если только она не отставший от первой близнец, она должна представить автора в новом поэтическом качестве. С этих, вторых, сборников ведут свое «летосчисление» поэты.

Будь даже первая книга безусловной удачей, — вторая должна развить ее.

ТРИ новинки у меня на столе — вторые книги молодых поэтесс. Три очень разные, интересные, стоящие пристального рассматривания сборника.

Несколько лет назад в издательстве «Молодая гвардия» вышли «Проталины» — первая книга Светланы Кузнецовой. В них были присущая сибирячке тематика, присущая молодости свежесть. Меня лично обрадовала песенность ее первенца. Внутренняя, инстинктивная. Не способность, а потребность голоса.

В «Соболях», второй книге, С. Кузнецова, несомненно, новая. Мир ее широк. Это Сибирь — такая, какой еще не знала молодая поэзия: в оранжевой облаки и пирующей живности, в снегиринных перьях зари и давленой брускине заката. Сибирь — не станция назначения, а дом родной. Сибирь — не «слово ходкое», а «неразмолотное приданое». Горячая родина, любовь и сила поэтессы.

То, что в первой книге было «тематикой», тут стало глубоким нравственным содержанием. Поэтическое оснащение сборника богато. Другого слова не нахожу. Достаточно прочитать «Елисея», чтобы оценить и диапазон интонации, и выигрышность стилевых переходов:

Ох, и круты у Байкала берега!
Для кого я свои слезы берегла?..
Чей я ночи горевые напролет
Поджидала под Иркутском
самолет?

Не суди меня, Елисей, не суди.
Брови темные, Елисей, не своди.
Видно, я уж такая неладная,
Бидно, я уж такая нескладная,
Неуступчивая, неулыбчивая.
На чужую беду неотзычивая.

Некоторая стилизованнысть напевы меня не смущает.

Каким же слогом и писать о царевиче Елисееве, как не былинным!

Но, погружаясь в книгу, чувствуя какую-то усталость. Так утом-

НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ...

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

ляет арестованная иглой музыкальная фраза. Заело!

Найденный в «Елисеев» поэтический ход не отпускает поэтичу-су. И вот она уже списывает у себя, как нерадивый ученик у отличника: «Я три дня уже гошу, в той стране. Уж три дня, как ты забыл обо мне, я три дня уже хожу и пою... Про зеленое веселье мое, про тяжелое похмелье мое»; «Может, я свои руки сожгу! Может, я свою душу сожгу! Может, я свою песню сожгу!»; «Говорила я, говорила, да сама же все заварила, да сама хоровод заводила, да сама огород городила»; «Ты с души моей семь печатей сними! Ты с души моей семь печатей сними! Ты семь дней и ночей надо мной ворожи! Семь заклятий на память мою наложи!»

Стоп! Нахodka стала приемом. Почти математическим приемом, который можно изобразить с помощью графика. Инерция приема так велика, что поэтесса жертвует ему всем. Впрочем, нет-нет и пробивается через прием истинно кузнецковское:

Придумываю белые слова,
Чтобы сложить у твоего порога.

Но часто автору не до «белых» слов, ибо неумолимые законы стилизации требуют слов условных. И тогда появляются «ноженьки», «сосенки», «льдиночки», «перышко», «дороженька», «море-озеро», «чаща-чаша», «придумала, примечтала», «у бела берега», «по белу-булу по свету».

Не подменяет ли Светлана Кузнецова свою естественную песенность песенностью автоматической? Слова — обозначениями? В одном из стихотворений сборника она хорошо сказала: «Мне не хочется за-вязнуть в твоей насквозь прилуч-манной стране».

Я солидарна с ней.

ЛЮБОПЫТНО, что фольклорная интонация, которая так мила Кузнецовой, ни в ее худших, ни в ее лучших вариантах не манит Ольгу Фокину. А ведь она — северянка. Дом ее под Архангельском. Север, Архангельск, прялки, укладки... Да затяни Фокина что-нибудь былинное, ей бы сама простил. Но она, глядите, что делает:

Глинистая.
Обрывистая.
Пахучая.
Сыпучая
Над речонкой круча.
И по-над кручиной —
Травы колючие.
А внизу у нее —
Над каждой каплей
Дрожат осоки-резунчики
Обнаженные сабли.
(«Речка Содонга»)

Самый склад ее души требует истинно народных жанров: песни и сказки. Но все они написаны по-разному. Не подходит к ним ни один застывший термин. Какая, например, это интонация:

— Вам купить чего?
— Вам подать чего?
— Молока, — смеюсь, —
Литру птичье!
— Что так мало-то?
Вкусно птичье!
Нам не велено
Ограничивать!

(«Кто на Тарногу?»)

Не знаю, была ли у Ольги Фокиной настоятельная внутренняя потребность после первой книги — крепкого «Сыр-бора» — именно сейчас выпускать второй сборник — «Реченьку». Но я могу понять Северо-западное издательство, проявившее тут инициативу.

В тоненьку «Реченьку» вошло кое-что из «Сыр-бора». И не все, достойное «дубляжа», как достойна его «Речка Содонга». Тенденция повтора совершенно ясна. Пароль — Север. Северными во что бы то ни стало хотят быть и некоторые новые стихи.

«Шалаш укромный из веток ели и ольхи», «реки неугомонной бормотанье», «высоты лазурные» — не «северное» и не фокинское это!

Просматриваются в «Реченьке» следы заботы: как бы ни усомнились мы в том, что поэтесса — именно северянка. Зряшное дело! Оставаться Фокиной всегда северянкой, поскольку в ее поэтическом материале «брусничный сок и сок ржаной, и сок березовый». Но поэзия ее вне географических пунктиротов.

И когда она говорит: «Ты осмелил мои леса, в них дичи не добыв на варево», — это отнюдь не прекращение лесовицких с жителем степной полосы. Это позиция человека, который никогда не примирится с убогим утилитаризмом души.

В первой книге О. Фокиной не было такой многоизначности слова — свойства зреющей поэзии.

СЕМЬ лет разделяет первую и вторую книги Эльмиры Котляр. После «Ветки» — в самом названии дервенца есть нечто отъединенное — появился обобщающий «Свет-город».

Беспощадная короткость многих стихов может обмануть ожидание. Что за обобщение в двадцати строках?

Но я настаиваю: это именно обобщение.

Обыденность.
Живи, не заходя за край.
Свой ключ,
и свой сарай.
Ну вот ты стоишь
посреди двора
хозяйкой добра.
Зрачок в глазу,
точно ящерица,
то метнется,
то спрячется.
Голос высокий
так и режет осокой:
«Где был?
С кем пил?»

И после малой посылки большое заключение:

...Я спрошу тебя,
я вызнаю:
что ты сделала
с единственной жизнью?

Мерилы ценности человеческой жизни, как видим, максимальное.

Высота нравственных критериев у Котляр прекрасно уживается с откровенной любовью к людям, окружавшим ее: мечтателям, созидателям, взрослым детям, тихим героям. Поэтесса точно переводит нас через границу будничного. И по эту сторону житейская проза становится поэзией. Прохожие — личностями. Читатели — соавторами.

Трудно сказать, как удается Э. Котляр из повседневного реквизита (клифтерша с разговорами, липучка с мухоморами, в банке гриб, в трубке хрин, пильюли, кастрюли) добывать точность, которая затем становится поэзией. Это ее дело, ее счастье. Я могу это только отметить.

Стихи «Свет-города» необыкновенно «вещны». Если убрать из них вполне конкретные предметы, от Крымского моста до пылесоса, останется сплошное зияние. Но это не та «вещность», в которой погрязают, как в захламленной комнате. В лучших стихах ее ровно столько, сколько нужно поэтессе. Там же, где она передоверяет вещам то, что призвана сказать сама, получаются этюды:

Я видела в степи
медицательных волов
и того возницу,
степного деда...
Я видела хлебов раскачку
и в хуторах сады —
степными гнездами в траве.

В «Свет-город» включено несколько стихотворений из «Ветки». Дело хозяйственное. Но, пожалуй, сборник обошелся бы без этого подкрепления. Стремился ли в данном случае автор составить сборник наиболее «неуязвимо»? Право, книгам боязнь «худобы» не должна быть свойственна.

ВИЖУ беглый взгляд перегруженного стихолюба: кого тут хвалят? Кого ругают? Никого не хвалят только, никого только не ругают. Сама живу в преддверии своей второй книги. И пишу завистливо о том, что хотела бы в ней видеть. И неодобрительно о том, чего себе не желаю.

Да, вторая книга пишется по принципу: «назвался груздем — полезай в кузов». И ничего, что тут есть нота насилия над собой. Надо знать свой плохой предел и сознательно стремиться от него.